

Продолжаются московские гастроли петербургской Мариинки. Весь мировой оперный репертуар на афише представлен одним почти экзотическим для России именем — Рихард Вагнер.

Соло для дирижера с оркестром

Июль - 1998 - 10 апреля - с.б.

Лариса Гоголевская (Кундри) в «Парсифале» поет о соблазнах любви. Фото Натальи РАЗИНОЙ.

Валерий Гергиев, художественный руководитель и главный дирижер Мариинского театра, имеет, кажется, решительно все почести и награды. Но славы он как бы и не замечает, предпочитая в свои 45 лет думать об устройстве мира и о том, что такое душа. Иначе бы он не поставил Вагнера. Иначе ему не была бы вчера вручена премия «Casta diva» за лучший оперный спектакль года «Парсифаль».

Зачем надо затевать вагнеровский марафон (а Мариинка поставила сначала «Парсифаля» — последнюю оперу Вагнера, а затем «Летучего голландца», оперу, с которой Вагнер практически начал), для художников, подобных Гергиеву, не вопрос. Понятно, что титанические усилия руководителя Мариинского театра по формированию репертуара, какой и не снится другим оперным сценам, — отнюдь не только дело честолюбия и не только пафос трудолюбивца, каким Гергиев себя давно зарекомендовал. Жадность до музыки, до самых невероятных сценических прожектов — эта страсть музыканта и артиста, не позволяющего себе тратить время впустую и почивать на лаврах.

В Мариинском театре, приехавшем наконец в Москву на долгожданные полномасштабные гастроли (в 1990-м Гергиев показывал своего «Бориса Годунова», в минувшем году — «Игрока» и «Саломею»), Гергиевым сформировано особое художественное пространство, убеждающее, что опера — одно из самых великих обретений человечества в объяснении мироустройства. Гергиев, собственно, сказал об этом своими спектаклями и без Вагнера. Но Вагнер оказался необходим ему, чтобы развить театральную, оперную идею до космических масштабов.

«Парсифаль» — целиком и полностью спектакль Гергиева, который полновластно солирует с изу-

мительным по мастерству и строю оркестром в течение всех пяти с половиной часов, пока длится спектакль. Он выступает здесь как своеобразный медиум между композитором-философом, «зрителем-обывателем». Гергиев вслед за Вагнером поднимается и над сюжетом о пришествии в мир Парсифаля, дабы уберечь людей от грехов и соблазнов, дать им свет учения, и над историей чудотворных святых — Святого Грааля, чаши, из которой пил Иисус во время Тайной вечери, и копия, которым он был пронзен на Голгофе. Он, Гергиев, не напоминает подробности и, судя по тому, что он принял для себя более чем скромную режиссуру Тони Палмера, не заботится о том, что составляет содержание взаимоотношений героев.

Но при всем этом Гергиев — театральный дирижер. Он мог бы исполнять «Парсифаля» как чистую симфонию, но этого не делает: театр есть театр, и действие есть действие. К статичным по замыслу режиссера персонажам (нельзя не назвать среди певцов Михаила Беззубенкова — Гурнеманца, Николая Путилина — Клингзора, Валерию Стенькину и Ларису Гоголевскую — Кундри) Гергиев добавляет почти ошеломительные звучания оркестровых инструментов. И это дирижерско-режиссерское умение Гергиева делает «Парсифаль» Мариинского театра явлением выдающимся, неповторимым.

После таких высот, на которые привел Гергиев свой театр в «Парсифале», обращаться к ранней — сюжетной — опере Вагнера «Летучий голландец» небезопасно. В «Летучем голландце» все-таки весьма внятно проявлена Вагнером сказочная природа, природа легенды о корабле-призраке и его капитане-скитальце, навечно лишенном покоя и приюта души. Но Гергиев не был бы Гергиевым, если бы согласился на сказку или притчу. «Летучий голландец», поставленный им в содружестве с режиссером Т.Чхеидзе и сценографом Г.Цыпиным, неожиданно, через многие годы возвращает в Мариинку традицию великого Мейерхольда, впервые в 1909 году поставившего на петербургской сцене «Тристана и Изольду» как символистский спектакль.

Парадоксальным ходом образ моряка-скитальца, ставшего в Мариинском театре действительно пришельцем из другого мира, а не заколдованным моряком, и образ стремящейся спасти его земной девушки Сенты кажутся двумя ипостасями одной души. И вся коллизия спектакля строится на схождении и расхождении земного и небесного, реальности и инобытия, плоти и духа. Команда «Летучего голландца» похожа на команду космических пришельцев, впрочем, в наших, земных о них представлениях. Голландец — Н.Путилин и Сента — Л.Гоголевская магической силой Гергиева свели свои голоса воедино, в образ вечно мятущейся и ищущей ответов человеческой души.

Таков театральный диптих, сложившийся из двух вагнеровских спектаклей Гергиева — солирующего дирижера, который все больше и больше открывает нам и себе тайны природы и театра.

Сергей КОРОБКОВ.